

Медея

На первый взгляд трудно найти двух мифологических персонажей, более непохожих друг на друга, чем Прометей и Медея. Прометей — мужчина; божество, втянутое в великое противостояние с другими богами за верховную власть над космосом; главное действующее лицо во всеобщей истории происхождения и развития человечества; обездвижен на вершине горы. Медея — женщина; иногда наделяется божественными свойствами, но чаще представляется вовлеченной в чисто человеческие страсти; упоминается в целом ряде разрушительных отношений, поскольку, находясь в постоянном движении, переходит из одной семьи в другую. И все же у Прометея и Медеи есть кое-что общее — нечто, связанное с их именами. Оба имени включают в себя греческий глагол *mēdomai*, означающий «я планирую», «я затеваю», «я задумываю». Но если Прометей — Тот, Кто Предвидит, то Медея — Та, Кто Замышляет.

Всегда в движении

Медея была внучкой солнечного бога Гелиоса и дочерью Ээта, правителя Эи — царства близ восточного берега Черного моря, которое обычно идентифицируют с Колхидой. События, произошедшие в Эе, великолепно описаны поэтом Аполлоном Родосским в его «Аргонавтике» (III в. до н. э.), и мы будем во многом опираться на этот текст. Эя славилась тем, что в ней находилось

чудесное Золотое руно — талисман, ревностно охраняемый Ээтом (изначально руно принадлежало волшебному летающему барану, который перенес по воздуху в безопасное место брата и сестру, убежавших от своей злой мачехи). Когда Ясон и его приятели-аргонавты прибыли в Эю, дабы захватить руно, Ээт поставил перед ними несколько заведомо невыполнимых задач и пообещал награду в случае, если они с ними справятся. Ясону предстояло одолеть и запрячь в ярмо огнедышащих быков, засеять землю зубами дракона, а затем победить воинов, прораставших в полном вооружении из этих зубов. Даже если бы Ясон прошел через все испытания и остался невредимым, ему пришлось бы встретиться со смертоносной змеей, охранявшей руно. Однако он все преодолел — благодаря Медее.

Частично текст Аполлония сосредоточивается на магических эликсирах и оберегах, к которым прибегает Медея, дабы обеспечить Ясону победу. Она делает его временно неуязвимым, намазав «Прометеевым зельем», приготовленным из растения с корнем в виде человеческого тела*, — оно выросло там, где пролилась кровь терзаемого орлом титана (возможно, символическая дистанция между Медеей и Прометеем меньше, чем принято считать)¹. Она также устраняет змею, охраняющую руно, усыпив ее с помощью своей фирменной комбинации заклинаний и снадобий. (Колдовской дар у Медеи в крови: она племянница Цирцеи, божественной чародейки, обладающей пугающей способностью превращать своих жертв в животных².) Но для чего Медея помогала Ясону, вероломно пойдя при этом против воли отца? Причина проста: она отчаянно влюбилась после того, как Эрос пронзил ее своей стрелой, вызывающей в человеке страсть. И это привело Медею к разного рода еретическим (и эротическим) поступкам.

---

* Существует версия, что «Прометеево зелье» Медея изготовила из мандрагоры.
Прим. ред.

Змей лижет зелье. Кратер из Руво, Пулья. IV в. до н. э.

Но задержалась и долго стояла у входа в светлицу —
Стыд ей идти не давал — и затем повернула обратно,
К выходу снова пошла и внутрь опять отступила.
Так бесполезно туда и сюда ее ноги носили*³.

Ее сердце, согласно знаменитой метафоре, использованной Аполлоном, трепещет и танцует, подобно солнечному лучу, отраженному на дрожащей поверхности воды, только что вылитой в ведро⁴. В преддверии состязаний Ясона чувства ее все так же беспокойны.

То про себя говорила, что волшебное зелье
Даст, то твердила, не даст, но сама уже лучше погибнет,

* Пер. Г. Ф. Церетели.

То восклицала, что, нет, не умрет и зелья не выдаст,
Но несчастье свое спокойно выдерживать будет*⁵.

Однако она не умирает и действительно дает Ясону снадобье, тем самым обрекая себя на побег из дома. Несмотря на душевные муки, которые приносит ей разлука, у Медеи нет выбора: она вынуждена оставить Ээта и вместе с Ясоном отправиться на его корабле «Арго» в Грецию. Выбор в пользу любовника становится необратимым в тот момент путешествия, когда преследующие «Арго» колхи, среди которых и брат Медеи Апсирт, настигают беглецов. Медея заманивает брата в ловушку и отводит глаза, когда Ясон убивает его. Такова версия событий, изложенная Аполлоном. В более жутком варианте Медея уничтожает Апсирта собственными руками, расчленяет и бросает останки в море, чтобы колхи остановились подобрать их и из-за этого задержались в пути⁶.

Примечательной чертой многих древних сказаний о Мееде, не только принадлежащих Аполлонию, является постоянно сопровождающая ее потребность в движении: как мы уже видели, поведение ее отличается неугомонностью, она вечно мечется и сомневается (за исключением коротких эпизодов поразительной неподвижности, когда Медея занимается магией)⁷. Однако есть здесь движение и другого рода, более буквальное: когда она вынуждена раз за разом перемещаться из одной географической точки в другую. Портом приписки «Арго» был Иолк (нынешний Волос), который после опасного пути из Колхиды в Грецию стал следующим пунктом назначения Медеи.

Незадолго до этого в Иолке разгорелся династический конфликт, явившийся основной причиной экспедиции аргонавтов. Царь Пелий боролся за трон со своим единоутробным братом Эсоном, отцом Ясона. Видя в последнем потенциальную угрозу, Пелий

---

* Пер. Г. Ф. Церетели.

Копенгагенский мастер. Медья омолаживает овцу. Аттический сосуд для воды. 480–470 гг. до н. э.

придумал для юноши невыполнимое задание: захватить Золотое руно. Пока Ясон отсутствовал, Пелий (согласно одной из версий) пригрозил Эсону смертью, однако тот предпочел самоубийство и выпил смертельную дозу бычьей крови. По другой версии, Эсон остался жив, но власть его узурпировал Пелий⁸. В любом случае история возобновляется с возвращением «Арго», и основное внимание в ней уделяется колдовству Медеи. Она убедила дочерей стареющего Пелия в том, что они сумеют вернуть отцу молодость, если разрубят его на части, которые затем сложат в котел с кипящей водой и особенными травами (чтобы продемонстрировать свои способности, Медея успешно воскресила и омолодила не то овцу, не то Эсона). Однако в случае с Пелием Медея намеренно выбрала неэффективные травы, сделав дочерей виновницами ужасающего коллективного убийства. Метафорически раздробив свою семью в Колхиде, на этот раз она буквально раздробила другую семью. И ей не осталось ничего другого, кроме как уехать снова — теперь на юг, в Коринф⁹.

События, произошедшие в Коринфе, изложены в величайшем произведении искусства, какое когда-либо посвящалось этой плеяде мифов, — в трагедии Еврипида «Медея» (431 г. до н. э.). В начале пьесы образ Медеи уже сведен к роли, какую ей часто приписывают в более поздней традиции, — маргиналки, негречанки, очутившейся на чужой земле. У Ясона же, напротив, дела идут совсем неплохо. Отрекшись от Медеи, он обручается с Главкой, дочерью Креонта, царя Коринфа. Последний знает, на что способна Медея, и предлагает изгнать ее вместе с двумя сыновьями, рожденными от Ясона. Убедив Креонта дать ей еще один день, чтобы она могла подготовиться к отбытию, Медея в действительности за это время уничтожает все, что дорого ее мужу. Используя в качестве гонцов своих ни о чем не подозревающих сыновей, она отправляет их к будущей невесте с золоченым венцом и красивым платьем. Едва Главка надевает венец, тот принимается источать огонь, который плавит ее голову; платье же, пропитанное дьявольским ядом,

пожирает ее тело, а также тело Креонта, бросившегося обнимать умирающую дочь. Затем Медея наказывает Ясона еще сильнее, убивая обоих сыновей, чтобы причинить ему невыносимую боль и помешать кому-то другому убить мальчиков, дабы отомстить за Креонта (илл. III на цветной вклейке). Это, однако, не единственная версия мифа. Разные источники сходятся в том, что дети гибнут, но расходятся в причинах и способах убийства. В одном из вариантов сыновья погибают случайно, когда мать пытается наделить их бессмертием¹⁰. В другом — их умерщвляют коринфяне¹¹. Версия Еврипида, считающаяся традиционной (изобретенная, вероятно, им самим), навсегда закрепляет в культуре образ Медеи-детоубийцы.

Однако за содеянное ей предстоит заплатить высокую цену. До убийства детей Медея испытывает очередной приступ мучительной неуверенности: то решается на этот шаг, то одумывается, то вновь собирается с духом. В конце концов ей остается лишь одно. Как только все сделано, последствия наступают незамедлительно — ей необходимо покинуть и это место. Медея улетает на запряженной драконами колеснице, забрав с собой тела сыновей, тем самым не оставляя Ясону возможности оплакать их на могилах. Медея в изложении Еврипида — недосыгаемая, псевдобожественная фигура и одновременно раздираемое внутренними противоречиями человеческое существо.

Другие рассказчики мифов подхватывают историю в той точке, в которой ее закончил Еврипид. Медею ждут еще два перемещения. Из Коринфа она отправляется в Афины, на этот раз одна — Ясон остается лишь дурным воспоминанием. Афинский царь Эгей предлагает ей убежище в качестве *quid pro quo* (услуга за услугу): ей предстоит излечить Эгея от бездетности; этот недуг печалит его, поскольку у него нет законного наследника¹². Медея настолько осваивается в Афинах, что выходит за царя замуж и рождает ему сына Меда, имя которого символизирует в первую очередь роль матери, а не отца в жизни ребенка.

Однако неожиданное появление никому не известного юного странника заставляет Медею вновь стать отравительницей. Она, в отличие от Эгея, сразу понимает, что незнакомец — это Тесей, давно потерянный сын царя от другой женщины. Когда же план по уничтожению этой потенциальной угрозы проваливается, она опять срывается с места — и возвращается в Колхиду. Согласно мифографу Аполлодору, «Медея узнает, что Ээта сверг его брат Перс. Она убила Перса и вернула царство своему отцу»¹³. Круг замыкается: в финале находится начало. Или не совсем... В частности, существует вариант, где Медея после своей смерти выходит замуж за Ахилла на елисейских полях*¹⁴. Правда, это едва ли звучит убедительно для тех, кто считает Медею богиней, то есть бессмертной. Но в греческом мифе практически всегда есть место «другой истории».

Прежде чем мы оставим миф о Мееде в том виде, в каком его рассказывали греки, полезно будет посмотреть на картину в целом¹⁵. Две центральные темы здесь — эмоциональная тяжесть повторяющихся побегов и боль от предательства (Ээта — Медеей и Медеи — Ясоном). Пожалуй, менее очевидным, но не менее значимым является мотив преемственности поколений среди мужчин. Династические конфликты между Ясоном и Пелием, а также между Ээтом и Персом — это один пример; другой касается наследия Эгея: перейдет оно Меду или Тесею? Сквозь эту историю проходит образ сильной и опасной женщины, способной управлять другими — и даже самим временем, благодаря необыкновенному умению омолаживать. Из ее действий невозможно вывести хотя бы какую-то упрощенную мораль (да и позволяет ли это сделать греческий миф?). Но один примечательный факт заслуживает отдельного внимания: Медея, по-видимому, остается ненаказанной за целую серию убийств. Трактовать это можно по-разному. Если

---

* Елисейские поля (то же, что элизиум) — в античной мифологии часть загробного мира, где царит вечная весна и куда попадают после смерти выдающиеся герои, любимцы богов. *Прим. ред.*

акцентировать внимание на квазибожественном превосходстве Медеи — что ж, боги и богини в нравственном смысле занимают пространство, недоступное смертным, а потому пользуются вседозволенностью там, где смертным пришлось бы нести неизбежное наказание. Если же мы, напротив, подчеркиваем человечность Медеи — то и при этом условии не каждое преступление ведет к наказанию (по крайней мере, в реальном мире). В любом случае в череде своих скитаний Медея страдает душевно, и это повторяется из раза в раз, несмотря на ее мастерство манипулятора. Она вынослива, изобретательна, вероломна и опасна, но вместе с тем уязвима: изгой, который временами играет первую скрипку и господствует над другими. Это впечатляюще парадоксальное сочетание будет неоднократно и многими способами обыгрываться позже.

Для римлян Медея остается одним из наиболее эмоционально сильных персонажей во всей мифологической системе. Овидий неоднократно рассказывает ее историю в разнообразных поэтических жанрах — в частности, примечательно вымышленное письмо от Медеи Ясону в его собрании «Героиды» («Героини»). Не менее звучно голосом Медеи говорит Сенека (ок. 4 г. до н. э. — 65 г. н. э.), написавший трагедию «Медея», где жестокость и страдания превосходят даже накал страстей, которого достиг Еврипид: в конце драмы сбегаящая убийца выбрасывает тела детей из летучей колесницы туда, где остался их отец, заставляя последнего воскликнуть:

Лети среди эфира беспредельного:

Ты всем докажешь, что и в небе нет богов*¹⁶.

И в этом еще один парадокс личности Медеи: сам факт, что она способна совершить подобный сверхъестественный побег,

---

* Пер. С. Ошерова.

предполагает наличие в ней божественного. Видна также ее зависимость от богини Гекаты, к которой она взывала ранее в пьесе, чтобы упрочить собственное колдовство. Ясон в версии Сенеки может чувствовать и говорить так, словно богов не существует — что вполне понятно ввиду его тяжких личных страданий, — но истина едва ли так проста.

Медея фигурировала как в визуальной, так и в литературной культуре Рима. Овидий упоминает любопытный факт: в римских жилищах среди разных неоднозначных предметов можно найти портреты Медеи «с глазами убийцы» — взгляд, который мы все еще можем видеть на сохранившихся образцах¹⁷. Один из способов «читать» эти изображения — воспринимать их как послание (ориентированное на мужскую аудиторию): посмотрите, что случается, когда опасная женщина выходит из-под контроля¹⁸.

После Античности

Пересказы эпох Средневековья и Возрождения разнообразят и усложняют историю Медеи, изложенную греками и римлянами. В зависимости от того, на чем делается акцент в той или иной версии, содержание мифа меняется неожиданным, а иногда и противоречивым образом.

Давайте для начала обратимся к паре примечательных народных сказок — из Тосканы и Венеции — конца XIII века¹⁹. На обратном пути из Колхиды Ясон бросает Медею на острове, подобно тому как Тесей вероломно покидает Ариадну на Наксосе. Однако вскоре сюжет принимает другой поворот и более не напоминает историю Ариадны. Оставленная Ясоном Медея беременна двойней. Она рождает детей без чьей-либо помощи, после чего в течение трех лет борется за выживание, питаясь одними кореньями и травами. Однажды проходящее мимо судно подбирает ее и привозит туда, где ныне живет Ясон, женившийся на дочери местного царя. Страшная месть Медеи превосходит все то, что описано классиками. Ей мало убить своих сыновей — она

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

